

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637

EDN: XMESFW

Российское и китайское общество за последние двадцать лет*

С.В. Козин¹, Т.П. Жидяева²

¹ Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344082, Россия

² Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова — Алатырский филиал,
ул. Первомайская, 70, Алатырь, 429820, Россия

(e-mail: mister.svk92@yandex.ru; tanya21_84@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Изменения в социальной структуре российского и китайского общества за последние 20 лет» (отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 568 с.). В книге представлены результаты анализа преобразований социально-структурного характера, наблюдаемых в России и Китае, тенденции их развития в ответ на современные глобальные вызовы. В книге охарактеризованы изменения в демографической, региональной и поселенческой структурах, а также в структуре семьи, брачно-семейных отношениях и в сфере занятости; рассмотрена трансформация структуры доходов и сопутствующие ей изменения в моделях потребления; особое внимание уделено проблеме цифрового разрыва и специфике социальной мобильности в эпоху модернизации. Книга основана на материалах государственной статистики и результатах масштабных социологических опросов, проведенных российскими и китайскими исследовательскими группами. Один из ключевых выводов авторов книги состоит в том, что в сложившейся общественной, хозяйственной и геополитической обстановке Россия, наделенная богатыми людскими ресурсами и мощной сырьевой базой, доставшейся ей по наследству от Советского Союза, не утратила возможностей для проведения коренных реформ, и основная цель государства — выработка действенных способов использования этого потенциала для перемен в социальной области, формирования прочного фундамента для продолжительного экономического роста, улучшения качества жизни и обеспечения общественного спокойствия.

Ключевые слова: глобальные вызовы; изменения; Китай; материальные и нематериальные формы неравенства; Россия; социальная структура; эпоха модернизации

*© Козин С.В., Жидяева Т.П., 2026

Статья поступила в редакцию 26.10.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Для цитирования: Козин С.В., Жидяева Т.П. Российское и китайское общество за последние двадцать лет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 628–637. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637> EDN: XMESFW

В августе 2025 года вышла седьмая коллективная монография в серии научных изданий, посвященных результатам российско-китайского сотрудничества — «Изменения в социальной структуре российского и китайского общества за последние 20 лет» [7] (первая монография увидела свет в 2012 году [2]). Забегая вперед, скажем, что рецензируемая книга обещает стать важным вкладом в изучение актуальных социальных трансформаций двух стран и продолжает цикл исследований ученых из Института социологии ФНИСЦ РАН) и Института социологии Китайской академии общественных наук. Структурно книга состоит из введения, девяти разделов и библиографии. Ее содержание составляют результаты масштабных исследований межпоколенной социальной мобильности и проблем социального неравенства и справедливости в Китае и России (2014–2020 и 2021–2023).

Мы остановимся на наиболее интересных, по нашему мнению, разделах книги и кратко охарактеризуем остальные. В первом разделе отмечено, что изучение социальной структуры имеет фундаментальное значение для понимания динамики развития общества. Между тем теоретические рамки такого анализа варьируют от марксистского акцента на классовой борьбе и экономическом детерминизме до веберовского внимания к статусу, власти и бюрократии (С. 45–46, 53–57), поэтому для России и Китая, стран с уникальными историческими траекториями и социокультурными особенностями, эти теории требуют адаптации и критической рефлексии (С. 69–70).

После распада Советского Союза Россию захлестнула волна радикальных перемен, ознаменовавших стремительный переход к рыночной экономике, что привело к формированию новой социальной структуры, характеризующейся значительным имущественным неравенством, появлением олигархических групп и «размыванием» среднего класса [14]. Анализ этих процессов требует учета не только экономических факторов, но и политических, культурных и институциональных контекстов. В Китае с его причудливым «социализмом с китайской спецификой» был выбран иной, самобытный путь: сохраняя политический контроль, Коммунистическая партия реализовала масштабные экономические реформы, которые привели к невероятному экономическому росту и значительному улучшению уровня жизни, но в то же время породили социальные противоречия: растущее неравенство между городом и деревней, миграцию из сельской местности в города и проблемы социаль-

ной мобильности. Сравнительный анализ социальной структуры России и Китая дает ценные уроки для понимания разных моделей развития и выявления общих тенденций, таких как усиление социального расслоения, рост потребительской культуры и изменение ценностных ориентаций. Важно учитывать, что социальная структура не статична, а постоянно эволюционирует под влиянием экономических, политических, технологических и культурных факторов.

Во втором разделе показано, что демографические изменения в Китае и России представляют собой сложную картину, «сотканную» из переплетающихся «нитей» старения населения, снижения рождаемости и миграции, которые оказывают глубокое влияние на экономику, социальную структуру и геополитические приоритеты обеих стран, одновременно вызывая широкий спектр общественных реакций. Экономический бум стал «спусковым крючком» для урбанизации и повышения уровня образования, что вместе с изменением ценностей привело к снижению рождаемости. Общество реагирует на эти процессы неоднозначно: с одной стороны, растёт осознание необходимости поддержки пожилых (их число неуклонно увеличивается), с другой — опасения по поводу нехватки трудовых ресурсов и устойчивости пенсионной системы.

Россия, начиная с 2017 года, вошла в новую полосу депопуляции: по официальным данным, естественная убыль населения за 2017 год составила более 135 тысяч человек, за 2020 год — 702 тысячи, за 2024 — 596 тысяч (С. 94–95). К сожалению, аналитические прогнозы (вплоть до 2030 года) довольно пессимистичны, поэтому усилия соответствующих ведомств должны быть сосредоточены на стимулировании рождаемости и ощутимом повышении уровня жизни, что пока сделать не удастся. Кроме того, при проведении реформ необходимо учитывать и такой важный параметр, как возрастная структура населения. Так, средний возраст неуклонно повышался — с 34,9 лет в 1990 году до 40,7 года в 2023 году, у россиянок более стремительно — с 37,4 до 43 лет (у мужчин — с 32,1 до 38,1) (С. 96–97).

Миграция хотя и является важным источником пополнения трудовых ресурсов, также порождает социальную напряженность. Общественное восприятие демографических проблем в России характеризуется тревогой за будущее страны, опасениями по поводу сокращения населения и снижения глобальной роли страны. Так, доля детей и молодежи в России сокращается: с 24,5 % в 1989 году до 18,6 % в 2023 году (С. 97). Уменьшение доли молодого поколения влечет за собой целый ряд социально-экономических последствий, требующих стратегического планирования [4; 9. С. 352–353]: уменьшение числа потенциальных работников в будущем может привести к дефициту рабочей силы («кадровому голоду»), замедлению экономического роста и уве-

личению нагрузки на пенсионную систему. Также сокращение численности молодых специалистов может негативно сказаться на инновационном потенциале страны и ее способности адаптироваться к новым технологическим вызовам. Важнейшим фактором успеха является не только экономическая поддержка, но и изменение общественного сознания [1. С. 314, 326–327, 435–436] — формирование положительного отношения к семье и детям, благоприятной среды для воспитания подрастающего поколения.

В Китае семейные ценности, долгое время игравшие центральную роль, также подверглись изменениям. Традиционная модель большой семьи постепенно уступает место нуклеарной семье, ориентированной на индивидуальные цели и достижения. Глобализация и распространение западной культуры оказали значительное воздействие на систему ценностей китайского общества, а политика одного ребенка, проводившаяся на протяжении десятилетий, привела к гендерному дисбалансу и ускоренному старению. В Китае снижается доля граждан в работоспособном возрасте (с 15 до 64 лет): с 2000 по 2010 годы отмечался стабильный рост доли этой категории (до 74,5 %), а затем доля трудоспособных граждан начала снижаться (С. 119–120).

В третьем разделе описаны беспрецедентные трансформации института семьи и брачности в России и Китае в нынешнем столетии, обусловленные множеством социально-экономических и культурных факторов (С. 139, 167–168). Традиционные модели брака и семейных отношений претерпевают существенные изменения, уступая место новым формам и практикам. В России после демографического кризиса 1990-х государство стремится укрепить институт семьи через разные программы поддержки, однако традиционные ценности сталкиваются с растущей индивидуализацией и стремлением к самореализации. По данным Всероссийской переписи населения видно, что уменьшается число домохозяйств, в которых проживают несовершеннолетние дети: с 51,7 % в 2002 году до 39,6 % в 2021 (С. 140). Растет количество незарегистрированных браков, откладывается возраст вступления в брак, увеличивается число разводов, особенно в крупных городах (С. 147–150).

В Китае до сих пор ощущаются последствия демографической политики «Одна семья — один ребенок» (1979–2015) в виде гендерного дисбаланса и необратимого изменения структуры китайских семей [12]. Урбанизация и экономический рост способствовали смещению ценностного акцента на карьеру и образование, что, в свою очередь, влияет на брачные решения. По данным переписей населения, с 1982 по 2020 годы в Китае наблюдалось уменьшение среднего числа членов домохозяйств — с 4,41 до 2,62 человек (С. 169), что говорит о продолжающейся тенденции уменьшения размеров семей. Растет популярность

поздних браков, уменьшается рождаемость, расширяются возможности женщин в профессиональной сфере, однако в сельской местности традиционные ценности продолжают формировать представления о семье и браке. В целом трансформация института семьи и брачности в России и Китае — сложный и динамичный процесс, отражающий глубокие социальные и культурные изменения. Будущее этих институтов будет определяться сочетанием традиционных ценностей, новых социальных норм и технологических возможностей.

В четвертом разделе рассмотрена динамика профессиональной структуры в России и Китае, которая характеризуется значительными изменениями, отражающими глобальные тенденции, национальные особенности и стремительные темпы экономического развития. В России постперестроечные годы ознаменовались переходом от индустриальной экономики к экономике услуг, что повлекло за собой увеличение доли занятых в сфере торговли, финансов и информационных технологий (С. 193–194). При этом традиционные отрасли промышленности продолжают играть существенную роль, но испытывают потребность в модернизации и привлечении квалифицированных кадров. Так называемые «российские социальные лифты “заржавели”» — критерии служебного продвижения все чаще определяются не уровнем образования или индивидуальными качествами (как считают 19 % россиян), а скорее социальным статусом, обусловленным наличием «капитала (67 %), властью (58,2 %) и “связями с нужными людьми” (57 %)» [10. С. 39]. В Китае благодаря политике реформ и открытости произошел стремительный рост промышленного производства и экспортно-ориентированной экономики (С. 212–213), что привело к формированию огромного рынка труда, ориентированного на производство и сферу услуг, обслуживающую экспортную экономику (С. 219–220), и сегодня Китай сталкивается с необходимостью перехода к более инновационной и устойчивой модели развития, что требует переориентации профессиональной структуры на наукоемкие отрасли и высокотехнологичные производства.

Для обеих стран актуальна проблема несоответствия между потребностями рынка труда и образованием, что ведет к дефициту квалифицированных специалистов в одних областях и избытку в других [10]. Развитие цифровой экономики и автоматизация производства диктуют необходимость постоянного повышения квалификации и переподготовки кадров, а также развития гибких форм занятости. В России и Китае предпринимаются усилия по развитию системы профессионального образования и переобучения, однако для достижения устойчивого и сбалансированного развития профессиональной структуры требуется комплексный подход, включая сотрудничество государства, бизнеса и образовательных учреждений.

В пятом разделе рассмотрено «доходное неравенство» — неотъемлемая черта современного мира, приобретающая особую остроту в Китае и России — странах, переживших глубокие социальные и экономические трансформации. В Китае стремительный экономический рост последних десятилетий привел к значительному увеличению доходов, однако распределены они крайне неравномерно. Разрыв между богатыми прибрежными провинциями и бедными сельскими районами, между высококвалифицированными специалистами и низкооплачиваемыми работниками порождает социальное напряжение и ставит под вопрос принцип дистрибутивной справедливости. В России после периода рыночных реформ 1990-х годов также наблюдается значительная концентрация богатства в руках узкой группы лиц, «избыточные социальные неравенства» [3. С. 735]. Неравномерное распределение доходов, усугубляемое коррупцией и недостаточной социальной мобильностью, вызывает у населения чувство несправедливости и подрывает доверие к институтам власти.

М.К. Горшков обобщает результаты многолетних исследований Института социологи ФНИСЦ РАН в «формуле “стабильность без развития”». Люди очень высоко ценят то, что было достигнуто за предшествующие годы, но постоянно жить в условиях, когда нет каких-то динамических изменений, оценивая при этом ситуацию положительно, для многих... означало бы поддерживать данную консервацию. И эта часть населения не столько за стабильность выступает, сколько за перемены» [1. С. 364]. Представление о дистрибутивной справедливости в Китае и России тесно связано с историческим контекстом и культурными ценностями: в Китае традиционное конфуцианское представление о необходимости иерархии и социального порядка сосуществует с современными требованиями равенства возможностей и социальной защиты; в России с ее советским прошлым неравенство воспринимается особенно болезненно, вызывая ностальгию по более справедливому распределению благ [6; 8; 11].

В шестом разделе описаны изменения в паттернах потребления: в России после советского периода дефицита и ограничений потребительские предпочтения смещаются в сторону импорта, брендовых вещей и развлечений (С. 290–291), растет спрос на жилье, автомобили и туристические поездки [16; 17], наблюдается значительный рост рынка платных медицинских услуг. Постепенно Россия попала в «ловушку» зависимости от товаров широкого потребления, поставляемых Китаем, что оказывает глубокое воздействие на российскую экономику и геополитическую позицию. После распада Советского Союза образовалась зияющая брешь в отечественном производстве — многие отрасли, некогда гордость страны, пришли в упадок, а Китай с его бурно развивающейся экономикой и способностью производить товары массового спроса по конкурентоспособным ценам быстро заполнил этот вакуум. Простота

импорта и привлекательные цены сделали китайские товары предпочтительным выбором для многих россиян, но эта доступность имеет свою цену — ослабление отечественного производства и растущая зависимость от иностранного поставщика, что подчеркивает необходимость диверсификации экономики и инвестиций в отечественное производство.

В Китае экономический бум привел к стремительному росту среднего класса [13] и взрыву потребительского спроса. Китайские потребители становятся все более уверенными в себе и требовательными, отдавая предпочтение качественным товарам и услугам, инновациям и технологиям (С. 316, 319). Молодое поколение активно формирует новые потребительские тренды, ориентируясь на глобальные тенденции и сохраняя связь с национальными корнями. Модернизация меняет паттерны потребления, трансформируя их в сложную и динамичную систему, отражающую меняющиеся ценности и стремления общества.

В седьмом разделе показана ключевая роль социальной мобильности в формировании стратификационных процессов и в России (С. 355–356), и в Китае (С. 378–379). В обеих странах исторический контекст, экономическая политика и социокультурные факторы оказывают неоднозначное влияние на механизмы социальной мобильности и ее воздействие на структуру общества. С одной стороны, социальная мобильность способствует формированию более открытого и динамичного общества, предоставляя возможности для индивидуального успеха и развития, с другой стороны, может усугублять неравенство и социальную напряженность, если ее механизмы неэффективны и не обеспечивают равные возможности.

В восьмом разделе объясняется, почему технологический переход оказал фундаментальное влияние на производственный базис Китая и России. Однако пути двух стран к модернизации расходятся в стратегиях и результатах, порождая как преднамеренные, так и непредвиденные последствия. Китай, изначально опиравшийся на дешевую рабочую силу и экспортноориентированную модель, предпринял амбициозные шаги по технологическому перевооружению, инвестируя огромные средства в научные исследования и разработки, а также в привлечение зарубежных технологий, что позволило Китаю стать одним из мировых лидеров, но усилило социальное неравенство и породило экологические проблемы. Россия, столкнувшись с необходимостью диверсификации экономики и ухода от сырьевой зависимости, также делает ставку на технологический переход (С. 411–416), но попала в зависимость от импортных технологий и не может устранить возрастающий цифровой разрыв между регионами. Успешность технологического перехода в обеих странах будет зависеть от способности преодолеть существующие вызовы, создать благоприятный инвестиционный климат и обеспечить социальную справедливость в эпоху цифровой трансформации.

В заключительном разделе *охарактеризованы* изменения поселенческой и региональной структур в России и Китае, которые отражают масштабные процессы урбанизации, экономического развития и демографической трансформации. Обе страны, обладающие обширными территориями и сложной историей, сталкиваются с уникальными вызовами и возможностями в сфере пространственного развития. Так, в России после распада Советского Союза произошел заметный отток населения из менее развитых регионов (сел) в крупные города, особенно в Москву и Санкт-Петербург, что привело к усилению региональных диспропорций. Экономическая активность сконцентрировалась в нескольких крупных агломерациях, в то время как многие малые города и сельские поселения пришли в упадок [6. С. 181–183]. Государственная политика направлена на поддержку регионального развития, улучшение инфраструктуры и создание благоприятных условий для бизнеса в периферийных регионах, однако ощутимых результатов пока добиться не удалось. Так, наиболее значительное убывание численности жителей наблюдалось в Дальневосточном регионе, а «разрыв в оплате труда в городе и деревне сохраняется и даже увеличивается» (С. 480). В Китае урбанизация идет беспрецедентными темпами — миллионы людей мигрируют из сельской местности в города в поисках работы и лучшей жизни. Крупные города на восточном побережье превратились в глобальные экономические центры, в то время как внутренние и западные регионы остаются менее развитыми. Правительство реализует масштабные программы по развитию инфраструктуры, поддержке малых городов и поселков, стимулированию экономического развития в отстающих регионах, стремясь к более сбалансированному пространственному развитию.

В книге представлены подтверждающие перечисленные выше тенденции эмпирические данные — не только ИС ФНИСЦ РАН, но также ВЦИОМ, ИНСАП РАНХиГС, НИУ ВШЭ и т.д. Однако работа носит слишком описательный характер, ей не достает акцента на мерах по оптимизации реализуемых программ, например, пенсионной реформы, вызвавшей неоднозначные реакции населения [1. С. 365–366]. Также в книге крайне фрагментарно освещены события пандемии и значимые общественные протесты, цифровое неравенство и те риски, что несет размывание границ между общественными и личными (персональными) данными.

Библиографический список

1. Горшков М.К. «Есть такая профессия — общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М., 2020.
2. Горшков М.К., Голенкова З.Т., Пэйлинь Л. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М., 2012.
3. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.

4. Дорохина О.В., Синельников А.Б., Барков С.А. Запад, Россия и Китай: системы наследования и пути развития экономики // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
5. Козин С.В., Жидяева Т.П. Рецензия на книгу «От precarious занятости к прекаризации жизни» // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1.
6. Козин С.В., Жидяева Т.П. Новые вызовы для российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
7. Козин С.В., Жидяева Т.П. К 75-летию со дня рождения академика РАН М.К. Горшкова: социолог-теоретик и социолог-аналитик массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18. № 4.
8. Коленникова Н.Д. Социальная справедливость и неравенство в зеркале российского общественного мнения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
9. Мареева С.В. Социально-экономические неравенства в жизни россиян: особенности восприятия и динамика // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
10. Тощенко Ж.Т. Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
11. Тупикова В.А., Мисяutowa Е.К., Мурзилов Л.Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
12. Cai W., Xie Yu. Raising hope: The impact of intergenerational mobility on fertility desire in China // Chinese Journal of Sociology. 2025. Vol. 11. No. 3.
13. Darity W.A., Ruiz I. Caste, class, race, and inequality: Insights for economic policy // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40. No. 3.
14. Dekalchuk A.A., Grigoriev I.S., Smyth R. Popular conservatism and the structure of Russian society // Post-Soviet Affairs. 2025. Vol. 41. No. 1.
15. Kozyreva P.M., Zhu Di., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 1.
16. Kozyreva P.M., Zhu Di., Smirnov A.I. Comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China // RUDN Journal of Sociology. 2025. Vol. 25. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637

EDN: XMESFW

Russian and Chinese society over the past twenty years*

S.V. Kozin¹ T.P. Zhidyaeva²

¹ Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344082, Russia

² I.N. Ulyanov Chuvash State University — Alatyir Branch,
Pervomaiskaya St., 70, Alatyir, 429820, Russia

(e-mail: mister.svk92@yandex.ru; tanya21_84@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the collective monograph *Changes in the Social Structure of Russian and Chinese Societies over the Past Twenty Years*” (Ed. by M.K. Gorshkov, Li Peilin, P.M. Kozyreva, M.F. Chernysh. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 568 p.). The book presents the results

*© S.V. Kozin, T.P. Zhidyaeva, 2026

The article was submitted on 26.10.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

of the analysis of social-structural transformations in Russia and China and the trends in their development in response to contemporary global challenges. The book describes changes in the demographic, regional and settlement structures, in family models, marital and family relations and employment; explains the transformation of income structure and accompanying changes in consumption patterns; pays special attention to digital divide and social mobility in the era of modernization. The book is based on government statistics and sociological surveys conducted by Russian and Chinese research teams. One of the authors' key conclusions is that in the current social, economic, and geopolitical environment, Russia, endowed with abundant human and natural resources inherited from the Soviet Union, has not lost the ability to implement fundamental reforms. The state should focus on developing effective ways to use this potential for social change and sustainable economic growth, to improve quality of life and ensure public peace.

Key words: global challenges; changes; China; material and immaterial forms of inequality; Russia; social structure; era of modernization

For citation: Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Russian and Chinese society over the past twenty years. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 628–637. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-628-637> EDN: XMESFW